

Дмитрий БЫКОВ

В хрестоматийном эпизоде из «Заставы Ильича» (именно эта сцена вызвала наибольшее негодование Хрущева) двадцатидвухлетний москвич образца 1961 года спрашивает своего двадцатилетнего отца, погибшего в сорок первом: как жить?

Думай сам, хмуро отвечает отец. Ты уже старше меня.

И хотя я и мои ровесники покуда не старше навеки сорокадвухлетнего Высоцкого, о нынешних реалиях его уже не спросишь. Они – другие, и жизнь другая, и воздух. Нету той страшной густоты, концентрации, которая превращала страну в сказочное королевство, в ночную тоталитарную сказку. Только в том вымороченном, но невероятно уплотненном пространстве возможен был феномен Высоцкого, с его концентрацией подтекстов и смыслов. Он задохнулся бы в нынешнем разреженном воздухе. Веер возможностей – все можно, ничего не нужно, – ослепил бы его на миг, а потом... не берусь догадываться о силе депрессии, которая бы обрушилась на него, увидь он нынешнюю Россию.

Большого поэта вот еще почтим нельзя ни о чем спрашивать из будущего: всякий большой поэт как бы распадается на множество своих копий и отражений, только более мелких и слабых. Так Пушкин, гармоничный и всеместительный, распался на русское славянофильство и западничество, на русскую фронду и русский патриотизм. В нем все это было – и сочеталось, и взорвалось, стоило ослабить давление извне. Большие поэты появляются в эпоху концентрации, ибо большому поэту концентрация необходима. Внутренних сил для нее хватает не всегда. В Высоцком сплелось все – блатной фольклор, милиционские прибаутки, патриотизм, диссидентство, государственничество, индивидуализм, – потому что и давление было соответствующее, и слово значило. Конечно, ни к чему благодарить империю за ту страшную духоту, – но когда вспоминаешь феномен значащего слова, сравниваешь его с нынешним, обесценившимся, – имеешь в виду и эту причину.

Художник – рыба глубоководная, любил повторять Тарковский, с которым, боюсь, сегодня тоже трудно было бы разговаривать. Как расцепить в нем западничество и славянофильство? А они разведены так, что перья пятнадцатый год ломаются. Ничто истинно великое не возникало в России на разделениях – все только на синтезе. Синтетическое начало – это и Пушкин, и Блок, и Высоцкий, и

Тарковский, и Шукшин. Как говорить с ними из времен, когда нет именно высоты взгляда, требующейся для полноценного и гармоничного единства двух главных русских противоположностей? Как говорить с полурусским-полуевреем Высоцким, когда выход «Двухсот лет вместе» Солженицына окончательно подтвердил: взаимопонимание невозможно, ненависть раскалена до предела, перечень взаимных обвинений огромен и любая дискуссия чревата погромом?

И тем не менее есть тема, на которую с Высоцким стоило бы поговорить. Потому что в мелких политических вопросах он нам не собеседник, его это мало волновало, – а в метафизических он в последние годы ушел на такие высоты, судя по «Райским яблокам», что вслух о таком не говорят, да еще и с полузнакомыми людьми. Собственно, таких тем даже две, хотя обе тесно связаны. Это – Россия и смерть.

Что касается России, стоило бы спросить: что с ней делать?

На этот вопрос недавно в частной беседе хорошо ответил приятель Высоцкого Андрей Кончаловский: любить, как и себя. Другой нет.

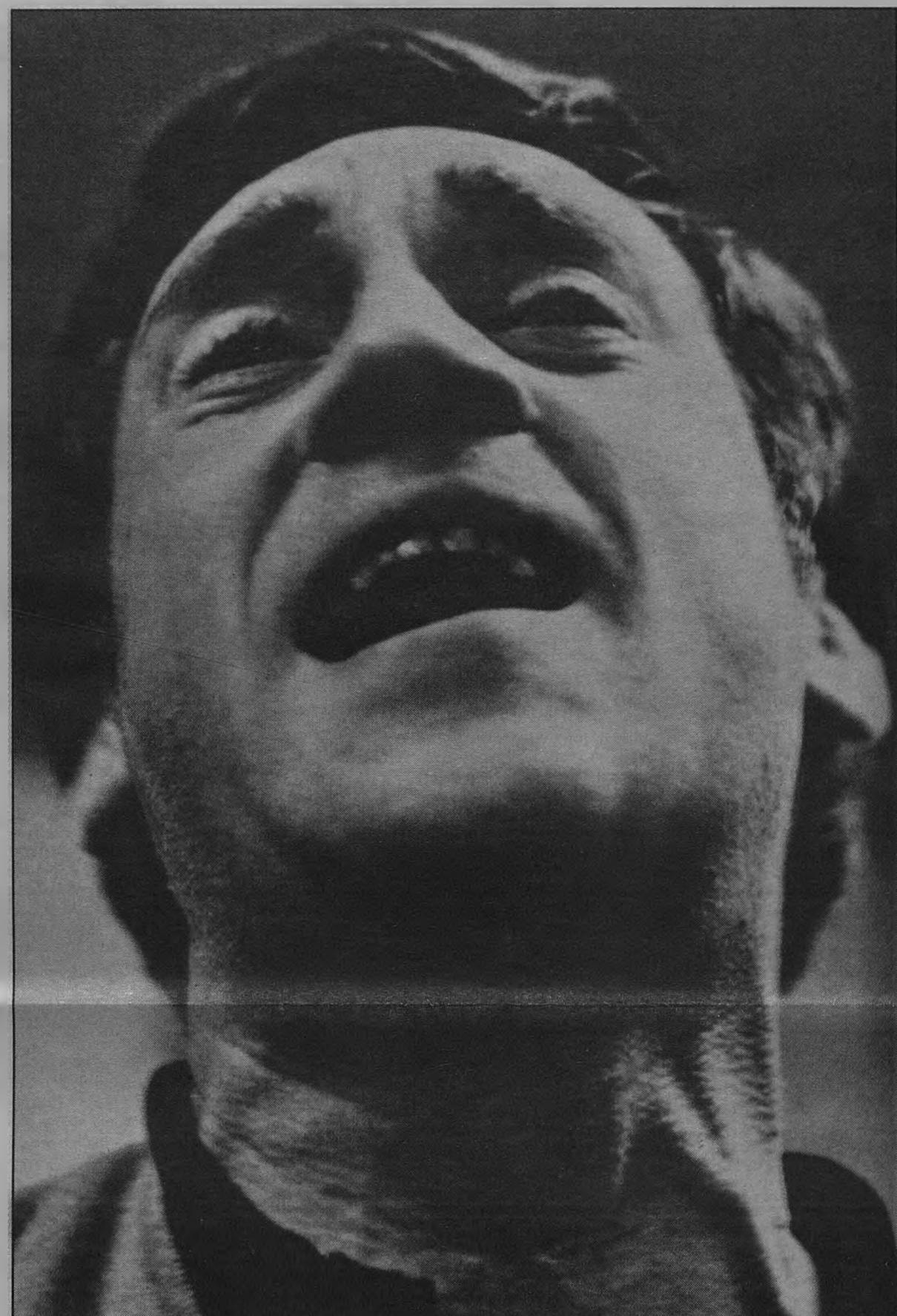
Себя мы ненавидим и все-таки терпим. Всяких: слабых, похмельных, занятых ерундой. Россия тоже одна, и на всех нас ее родимые пятна, и другого дома нам не дано: иную страну еще можно любить вчуже, не чувствуя ее своей, но с Россией так не получается. Ее надо либо целиком принимать, либо в ужасе отворачиваться. Кому она своя, тот спасется. Это Высоцкий и доказал.

И второе, о смерти. Неужели так уж обязательно все время о ней помнить и думать? Что такое делает с нами эта мысль – дисциплинирует, заставляет напрягаться, лучше писать? Неужели стремление к смерти и впрямь делает человека лучше, как учили идеологи самураев?

Высоцкий на этот вопрос ответил всей своей биографией и почти всей лирикой. Смерть там ходит очень близко, с ней выпить можно. Высоцкий понимал, что бояться ее не стоит, – и не думаю, что он родился с этим. Он это в себе воспитал, как и Лимонов – с которым бы, я думаю, они дружили.

Иногда мне даже кажется, что смерть – это и есть возвращение на ту настоящую Родину, в ту правильную Россию, где теперь Высоцкий, Шукшин, Тарковский... Ну, и Пушкин, конечно.

А про остальное, добавил бы он, у меня и так все написано. Помните про Родину и смерть, и выбирайтесь своей колеей. ■

ВЫБИРАЙТЕСЬ СВОЕЙ КОЛЕЕЙ

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ НАКАНУНЕ 65-ЛЕТИЯ

